

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

The article deals with the problem of cultural education in the modern higher educational establishments. It considers the subject field of cultural studies, the actuality of the students' studying Cultural Studies for the formation of their social competence, the ability to make a conscious choice of models of social and cultural development, in which they will participate as members of modern society and civilization.

Столетний юбилей высшего учебного заведения – достойный повод не только для подведения итогов его деятельности, но и для раздумий о будущем, для рефлексии преподавателей вуза над основами собственной профессиональной деятельности. Юбилей совпал со сложным периодом в судьбе высшего образования в нашей стране – с реформой высшей школы, которая сегодня вызывает множество дискуссий. Особенно актуальна эта тема для культурологов, поскольку для их дисциплины не нашлось места в новой концепции блока социально-гуманитарных дисциплин.

В структуре блока социально-гуманитарных дисциплин (на первой ступени образования) среди предметов четырех модулей («философия», «экономика», «политология», «история») предмета под названием «культурология» нет. Часть проблем из ее предметного поля – концепции мультикультурного развития; история мировой культуры; культура информационного общества; межкультурная коммуникация – отнесены к модулю «история» в виде курсов по выбору, наряду с иными – историческим и религиоведческими дисциплинами. Это вызывает некоторое недоумение. И проблема не в том, что каждый преподаватель вуза ратует за свой предмет, а в объективной необходимости культурологического знания для выпускника вуза, в особой созвучности этой дисциплины целям реформы образования.

Бесспорно, система образования должна отвечать на вызовы времени, и ее магистральной задачей является формирование такой личности, которая может жить, творить, реализовывать свой личностный и профессиональный потенциал в современном мире. Современный мир динамичный и противоречивый. С одной стороны, идет процесс глобализации. Глобализируется экономика, политика, формы повседневного бытия, повсеместно распространяется массовая культура, пропагандирующая определенные культурные образцы и образ жизни и пр. С другой стороны, наблюдается тенденция культурного изоляционизма, сепаратизма. Техногенная цивилизация порождает невиданные ранее глобальные проблемы, которые отражаются и на региональных, и на локальных уровнях, обнажая антропогенный кризис, обостряя наряду с экологическими и экономическими проблемами, кризис духовности. Для многих стран сегодня остро стоит вопрос: каким образом органично вписаться в общие тенденции развития глобализирующегося мира, сохранив при этом свою социокультурную идентичность?

Одной из задач высшей школы является формирование у студента определенного набора *компетенций*, обладая которыми человек сможет ориентироваться в современном мире, может стать и достойным членом социума, и конкурентоспособным на рынке труда специалистом, и успешным бизнесменом, и ответственным государственным функционером, и профессионалом в любой области, и семьянином и пр. Если провести классификацию всех компетенций, то их можно подразделить на два блока: один ориентирован на получение профессиональных компетенций, другой – на формирование социокультурных компетенций. При этом очевидно, что профессиональные компетенции невозможно сформировать при отсутствии компетенций социокультурных.

Социокультурную компетенцию можно определить как способность личности успешно функционировать в том типе общества и культуры, к которому он принадлежит, а также его способность к межкультурной коммуникации, к диалогу с иными культурами, к адекватному поведению и успешному функционированию в чужой культурной среде. Сюда входят знания и понимание основных мировоззренческих принципов своей культуры, ее ценностных ориентаций, поведенческих паттернов на бытовом и специализированном уровнях, знание языка культуры (под которым понимается не только естественный язык, но в целом знаково-символическая система культуры), а также знание мировоззренческих принципов, ценностных установок и языков иных культур. Бесспорно, в социокультурную компетенцию личности включается и ее общеобразовательный уровень, и ее способность к самообразованию, широта кругозора и пр. В современном мире, где знания не представляют собой некоего устоявшегося набора «истин», в мире информационных потоков, в мире, где разрушаются границы и социальные устои, обладание такого рода компетенцией является насущной необходимостью.

Очевидно, что курс культурологии играет значительную роль в формировании социокультурной компетенции. Так почему же он оказался аутсайдером в новой образовательной концепции?

Возможно, такая ситуация связана со спецификой культурологии как вузовской дисциплины, сложностью определения ее дисциплинарного статуса и некоторой маргинальностью ее положения в академической среде (маргинальностью в позитивном смысле – расположением на границах отраслей гуманитарного знания). Но в то же время эти мнимые минусы оборачиваются бесспорными плюсами при пристальном рассмотрении эвристических потенциалов культурологии.

Культурология появилась в вузах в 90-х гг. XX в., что было вызвано реалиями времени – отказом от методологии экономического детерминизма в гуманитарных науках и реакцией на антропологический поворот, произошедший в науке второй половины XX в. Противники культурологии указывают на ее методологическую всеядность и необязательность предметного поля. В числе аргументов против культурологии приводятся также ее логоцентризм, стремление к созданию нарративов, кризис которых уже постулировала эпоха постмодерна, склонность к теоретизированию, неумение работать с конкретным материалом и пр. Подобная критика не всегда оправдана, особенно, что

касается последнего десятилетия развития культурологических исследований на постсоветском пространстве, хотя доля правды в подобных рассуждениях есть. Процесс становления любой науки сопровождается «болезнью роста», однако период этой болезни для культурологии, как мне видится, уже заканчивается.

В качестве альтернативы культурологии некоторые ученые предлагают западный вариант «культурных исследований» (Cultural Studies), связанных с британской интеллектуальной традицией, в рамках которых культура становится «способом проживания», совокупностью практик, формирующих идентичность субъекта класса, расы и гендера. Преимущество «культурных исследований» видится в том, что они были рождены самими реалиями культурной жизни и касались насущных проблем современности: индустриализации, модернизации, урбанизации, неокOLONиализма, создания глобальной экономики, распространения массовой культуры и пр. «Культурные исследования» представляют собой своего рода культурную антропологию современных, постиндустриальных обществ, но также и теорию, понимаемую как практику, активно вторгающуюся в социальные процессы» [3, с. 427-428].

Безусловно, западный опыт был учтен, однако механическое перенесение западного проблемного поля и методологий исследования невозможно и не нужно. Но очевидно одно: именно реалии современного мира становятся главной темой исследования культурологов. Проблема культурной идентичности, глобализации, межкультурного диалога, проблемы массовой культуры, СМИ, рекламы, повседневности, проблемы субкультур, национальных и этнических культур, гендера, а также насущные вопросы культурной политики – далеко неполный круг проблемного поля современной культурологии.

Особую актуальность проблемы, поднимаемые культурологией, получают в условиях антропогенного кризиса, «антропологической катастрофы» (М. Мамардашвили) современности. Человек достиг небывалого технологического могущества, но не справляется управлением собственными достижениями. Не случайно сегодня так остро строит вопрос об антропологической экспертизе всех инновационных проектов.

В последние годы ведущие культурологи Российской Федерации работают над формированием культурологической парадигмы образования, в которую включаются и средняя школа, и вуз [2; 4]. Эта парадигма предполагает, что образование ориентирует ученика, студента на познание и понимание той культурной реальности, в которой он живет, вырабатывает способность систематизировать множество разных тенденций развития современного мира и определяться с выбором собственного жизненного пути. Тексты культуры, изучаемые учеником и студентом, используются, в первую очередь, в социализирующих целях: «Учащийся должен постигать культуру не для того, чтобы отличать живопись Леонардо да Винчи от Рафаэля (хотя и это было бы неплохо), а для того, чтобы аргументировано определить собственное место в многообразии социокультурных процессов современности, осуществить собственный выбор той программы социокультурного развития, в которой он хотел бы принять участие» [4, с. 9].

Что же теряет белорусский студент при вычеркивании из учебного процесса курса культурологии? Отнюдь не только знания истории мировой культуры (эти знания он при желании может получить в курсе по выбору в блоке «история»). Он становится отлученным от достижений научной мысли, анализирующей реалии современного социокультурного процесса, те реалии, в которые человек погружен повседневно. Он теряет возможность сформировать иной ракурс видения, казалось бы, знакомых проблем. В конце концов, утрата этого курса сильно бьет по формированию его социокультурной компетенции, по становлению его как профессионала в любой области. Обращусь к мнению российских культурологов, с которым полностью солидарна: «Специалист, получивший культурологическую подготовку, не будет трактовать культуру как «сферу услуг», он не примет решение о постройке казино рядом с местами национальных духовных святынь, плотины и водохранилища на месте памятников истории, газопровода на территории проживания коренных народов, ведущих традиционное хозяйство. Специалист, владеющий культурой профессии, при разработке экономических программ будет исходить не только из их эффективности, но будет прогнозировать пути для разрешения их возможных негативных последствий для наименее защищенных групп граждан <...>. Основная цель культурологии как раз и направлена на формирование социокультурной компетентности специалиста как способности, необходимой для ответственного решения профессиональных задач, осмысленных в социокультурном контексте» [1].

Если мы ставим задачу сформировать из выпускника такого рода специалиста, то курс культурологии необходим. Безусловно, этот курс сложен для первой ступени образования в силу своей интегративности и своеобразной метатеоретичности. Он требует интеграции знаний в области гуманитарных наук и в то же время выработки аналитического взгляда на культурную реальность. Но он вполне приживется на второй ступени образования. Кроме прочего, этот курс содержит в себе потенции к организации интересной и продуктивной самостоятельной работы студентов, этот курс практикоориентирован, поскольку касается формирования культуры профессиональной деятельности студента. Вообще оценку уровня профессиональной и общей культуры будущего специалиста необходимо сделать обязательной при прохождении производственной, педагогической практик студентами.

В последние десятилетия в Беларуси стало формироваться сообщество культурологов, серьезных и интересных специалистов, исследующих проблемы национальной и общеперимовой культуры, анализирующей наличное состояние культуры. Но всегда результаты научных исследований требовали апробации в вузовской практике, при чтении лекций, проведении семинаров. Лишившись возможности быть вузовской дисциплиной, культурология замедлит темпы своего развития и потеряет в качестве, хотя как область исследований она будет развиваться – это не вызывает сомнений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Костина, А. В. Высшее культурологическое образование в XXI веке : перспективы развития / А. В. Костина // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/11/Kostina/>. – Дата доступа : 12. 03. 2013.
2. Культурология как научная парадигма / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков // На пути к культурологической парадигме современного образования / РАО, СПб науч.-образоват. культуролог. центр РАО, Ин-т культурологии образования РАО; редсовет: А. С. Запесоцкий (пред.) [и др.]; редкол. : А. Я. Флиер (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : СПбГУП, 2011. – С. 68-82. – (Ученые записки. – Вып. 1)
3. Усманова, А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований / А. Усманова // Введение в гендерные исследования : учебное пособие / ХЦГИ. – СПб. : Алетей, 2001. – Ч. 1. – С. 427-464.
4. Флиер, А. Я. Культурологическая парадигма образования / А. Я. Флиер // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hischool.ru/userfiles/flier-paradigma.doc>. – Дата доступа : 12. 03. 2013.